

Субботин О.Г.

Ключевые слова: Баварская народная партия, земли, рейх, реформа, централизация, унитаризация, Веймарская конституция, меморандум, рейхсрат.

С момента крушения империи Гогенцоллернов партикуляристы Баварии предпринимали отчаянные попытки оказать противодействие процессу государственной централизации Германии. В наиболее концентрированной форме их требования нашли отражение в правительственных меморандумах 20-х гг. В отличие от «красной Пруссии», вступившей на путь решительной и бескомпромиссной борьбы с монархическим прошлым, политическая элита Баварии продолжала в своей основе следовать традициям династии Виттельсбахов – ревностно отстаивать культурную самобытность региона [1, S. 61]. Отчетливые анти-либеральные тенденции демонстрировала стоявшая в 1920-1933 гг. у руля исполнительной власти Баварская народная партия (далее – БНП).

В 1920-е гг. спор между рейхом и землями шел по двум ключевым направлениям: конституционная политика и конституционные реформы. Сторонники унитарного государства не были удовлетворены итогами работы Национального собрания, пытаясь использовать «финансовый потенциал» рейха на благо государственной централизации. Федералисты требовали возврата землям части прежних полномочий, ревизии ст. 8–10 Веймарской конституции, финансовой автономии регионов и усиления прав рейхсрата. Таким образом, Конституция 1919 г. (далее – ВК) становилась не только инструментом реформы, но и ее непосредственным объектом [2, S. 23–24].

В разгар осеннего кризиса 1923 г. Г. Штреземан выразил готовность вести конструктивный диалог с Баварией. В ответ на это правительство земли направило в имперскую канцелярию меморандум «К ревизии Веймарской конституции», посвященный реформе государственно-правовой системы под лозунгом «Назад к Бисмарку!». Этим шагом Мюнхен наглядно демонстрировал смену политической тактики и стратегии – отказ от обструкции в пользу легальных методов борьбы [3, S. 71]. Инициатором документа выступил министр-президент О. фон Книллинг, а его главным разработчиком советник баварского МИД Г. Шмельцле [4]. Будучи тонким и расчетливым стратегом, он довольно грамотно сформулировал баварские

требования, лишив их, по словам прусского чиновника Арнольда Брехта, «сепаратистского оттенка». Это, однако, не мешало правительству Йозефа Хельда рассматривать рейх как «союз самостоятельных государств», усиление статуса которых служило гарантией возврата Германии довоенные позиции в мировой экономике и политике [5, S. 8-9; 1, S. 66–67].

Прелюдией к меморандуму 1924 г. стали памятная записка «о ревизии имперской конституции в федеративном духе», подготовленная объединением работников интеллектуального труда БНП под руководством профессора Г. Грауэрта в 1920 г., а также резолюция баварского ландтага от 18 июля 1923 г. и сформулированная на ее основе 20 ноября 1923 г. парламентская инициатива БНП в рейхстаге [4]. Бавария добивалась пересмотра ст. 6–11 ВК, наделения органов власти земель исключительным правом исполнения имперских законов, передачи субъектам широких полномочий в транспортной и финансовых областях, уравнивания рейхсрата в правах с рейхстагом, практического применения ст. 18 ВК, расширения чрезвычайных полномочий земель, отказа от посягательств на их собственность, уважения прав субъектов в сфере полиции и юстиции, невмешательства центра в дела школы и т. д. В сущности, речь шла о комплексной ревизии Веймарской конституции и возврате немецким землям финансового, транспортного, почтового и военного суверенитета [2, S. 28-29].

4 января 1924 г. посланник земли Конрад фон Прегер передал канцлеру Вильгельму Марксу баварский меморандум, сопроводив его устным комментарием. Документ состоял из 2 частей. Первая была посвящена анализу Веймарской конституции, а вторая содержала предложения по устранению ее недостатков [2, S. 30]. В отсутствие монарха Мюнхен намеревался придать федерализму свойство элемента общественно-политической стабилизации. Ориентиром в этом местному руководству служила Конституция 1871 г., которую до недавнего времени оно критиковало за излишне унитарный характер.

Меморандум отражал официальную линию правящей коалиции БНП, НННП и БКС, опиравшейся в своих действиях на положения Бамбергской программы ВК [6, S. 49; 3, S. 71–72]. В числе его главных требований значились: 1. Ограничение федерального законодательства; 2. Восстановление конституционной автономии земель с правом введения чрезвычайного положения на основании статьи 48; 3. Признание баварского суверенитета в сфере юстиции; 4. Строгое разделение финансовых полномочий. Возврат землям прямых налогов и налогового управления. Восстановление баварского пивного резервата; 6. Удовлетворение баварских

требований в военной сфере – право на смену коменданта, участие правительства в формировании баварского воинского контингента, присяга солдат и офицеров на верность руководству земли; 5. Признание за регионами культурной автономии; 7. Возврат Баварии железнодорожного и почтового управления при законодательном верховенстве рейха; 8. Предоставление землям права заключать соглашения с иностранными державами под надзором Берлина, а также возможность участвовать в осуществлении экономической деятельности кабинета министров; 9. Уравнивание рейхстага в правах с рейхстагом; 10. Возврат землям обозначения «государства» [7, S. 50–51].

Значительное внимание в документе отводилось критике «непрозрачной и неэффективной» финансовой системы. Потребности регионов Бавария предлагала удовлетворять за счет собственных источников налогообложения и долевого участия в федеральных налогах [8, S. 180–181]. К тому же Мюнхен настаивал на наделении (возврате) рейхсрата правом издания административных постановлений и инструкций к общим законам, «легитимации» гражданства земель, а также права блокирующего конституционные поправки вето.

Таким образом, по сравнению с парламентской инициативой 1923 г. меморандум 1924 г. содержал более обширный список требований. В сущности, речь шла о реставрации конструктивных принципов Германской империи, но с той лишь разницей, что документ «замалчивал» проблему прусской гегемонии. Сформулированные в нем положения отражали концептуальные разногласия по федеративному вопросу, а внушительный список претензий должен был, по замыслу авторов, обеспечить Мюнхену «пространство для маневра на случай ведения переговоров» с центром [9, S. 458]. С юридической точки зрения меморандум имел номинальное значение, поскольку «не учитывал того факта, что унитарный дух Веймарской конституции остался не материализованным» [10, S. 46].

Претензии Баварии едва ли оказались откровением для немецкого правительства. На тот момент большинство из них активно обсуждалось в политических кругах и на страницах периодической печати. Так, известный профессор права В. Каль (ННП) возложил на унитаризм ответственность за конфликты рейха с Баварией, Саксонией и Тюрингией, настаивая на возврате к практике резерватов и отказе от термина «земли» [3, S. 72–73]. В целом, реакция на баварский меморандум была негативной. Лидер Немецкой демократической партии Эрих Кох-Везер усмотрел в нем проявление партикуляризма и открытый вызов объективным процессам государственной модернизации. Категорически неприемлемым для него было требование

уравнять рейхсрат в правах с всенародно избираемым рейхстагом. «Не надо смотреть на вещи так, как будто федерализм – это благословенный принцип в немецкой истории, а унитаризм губительный», - писал политик [11, Sp. 79–80].

Не остались в стороне от баварских требований и ведущие немецкие правоведы. Его подробным анализом, равно как и проблемой федерализма, они занимались на апрельском съезде 1924 г. Критике подверглась идея комплексной ревизии конституции. В то же время, юристы высказались за уважительное отношение к правам и чаяниям немецких земель, за их действенное участие в формировании государственной воли [2, S. 34]. Для К.О. фон Зодена «эгоистичная позиция Баварии», связанная с желанием восстановить резерватные права на юге без реформы на севере, не имела ничего общего с федерализмом, который «в широком смысле слова» обладал «судьбоносным значением для немецкой политики и будущего немецких католиков». Не малую долю ответственности за «гипертрофированную государственную систему второго рейха», унаследованную республикой, он возлагал на «государственно-абсолютистский южно-германский бюрократизм». Веймар, по мнению Зодена, «упразднил отмеченный прусской гегемонией рейх лишь с формально-юридической точки зрения» [12, S. 84–85].

Известный профессор Бенедикт Шмиттман главную опасность партийно-политических компромиссов видел в защите «окаменелого федерализма времен Бисмарка», при котором «рейх и Пруссия консервировали друг друга». Последнюю он считал причиной нездорового федерализма в Германии, чему в немалой степени способствовала «недальновидная партикуляристская политика баварского руководства». Чрезмерная фактическая сила Пруссии, по мнению ученого, грозила рейху внутренней дисгармонией, нарушала равновесие между действующей государственной структурой и господствовавшими в ее рамках отношениями [13, S. 185].

Берлин выразил удовлетворение намерением баварских властей вести конструктивный диалог с правительством, однако не стал обременять себя конкретными обязательствами. Министр финансов Ганс Лютер не исключал умеренной «федеративной ревизии конституции» «в духе Бисмарка», а статс-секретарь рейхсканцелярии Брахт назвал предстоящие переговоры «судьбоносными для единства нации», рекомендуя канцлеру усилить давление на Баварию с тем, чтобы не допустить ее политической кооперации с Пруссией [14, S. 17–27; 15, Bl. 25–26]. Однако дальше слов дело не пошло. Здравый с точки зрения Мюнхена ход дискуссии нарушили отставка Штреземана и досрочные выборы в рейхстаг. По инерции правительство В.

Маркса продолжало аналитическую работу над меморандумом, но на прямые переговоры с Хельдом так и не решилось.

Наиболее последовательным критиком баварских требований выступал имперский министр экономики Хамм, обратившийся к коллегам с призывом защитить конституцию от посягательств «сил исторической децентрализации». Возврат к конструктивным принципам Германской империи чиновник назвал «нецелесообразным». Будучи репрезентантом либерального лагеря, Веймарскую конституцию он считал важным этапом на пути государственной централизации [9, S. 460–461; 8, S. 189]. Ему вторил и экс-министр Хуго Пройс, обвинивший Баварию в осуществлении «пагубной для рейха политики партикуляризма, как это было всегда в немецкой истории» [16, S. 263-264]. Лозунг «федералистской ревизии демократической конституции» по образцу «иллюзорного федерализма эпохи Бисмарка» он считал неприемлемым для Германии. «А если Пруссия потребует возврата суверенитета в финансовой, транспортной и военной сферах, что останется тогда от национального единства?... Вы хотите реставрации прусской гегемонии, без которой прежняя конституция не просуществовала бы и 24 часов? Если бы на карту не была поставлена наша судьба, то было бы интересно узнать, что получится в результате такой ревизии; но я предупреждаю любопытных, что ликвидация единства нации ... в пользу государственности земель, замена их естественного подчинения и интеграции в рамках общей воли и национальной политической организации договорными межгосударственными отношениями ... означали бы на практике ликвидацию рейха, разрушение того единственного, чего не удалось разрушить поражением в войне» [17, S. 381, 385, 388].

Официальный ответ на баварский меморандум был подготовлен в недрах МВД при участии министра-директора А. Брехта. К очевидным противоречиям документа его критики отнесли «восхваление» несовершенной финансовой системы Бисмарка и осознанное замалчивание проблемы прусской гегемонии при агитации за возврат к властным механизмам Германской империи. Правительство заявило о приверженности действующей государственно-правовой системе, в том числе ст. 18, 78.2, 48 ВК и в то же время выразило готовность повысить в будущем конституционный статус рейхсрата, способствовать устранению «колоссальных территориальных диспропорций между землями» и провести реформу прусской административной системы в интересах рейха. На деле это грозило разделом Пруссии на равновеликие имперские автономии и объединением малых земель, поэтому представлялось маловероятным [3, S. 74–75; 18, Sp. 258]. Пожалуй, единственным практическим результатом

баварской инициативы стал перевод политической федеративной дискуссии в «мирное русло» и временный отказ правительства от идеи широкой централизации [4].

В январе 1925 г. министр-президент Хельд приостановил инициированную Мюнхеном дискуссию. Пауза длилась до 7 мая 1926 г., когда баварское правительство направило в Берлин меморандум «О поступательном выхолащивании государственности земель в соответствии с Веймарской конституцией», подготовленный обер-регирунгсратом К. Зоммером и переданный лично канцлеру Г. Лютеру [2, S. 35–36]. На этот раз речь шла о ключевых аспектах реформы рейха, к анализу которых Бавария подошла более основательно, нежели в 1924 г. Ставка делалась на федерализм как залог общественно-политической стабильности. «Не конституционная борьба, а конституционный мир должен стать целью всех, у кого на сердце лежит благополучие рейха», – говорилось в документе [2, S. 38].

Наряду с уже известными нам положениями текст содержал критические замечания в адрес центра за систематическое нарушение конституции в ущерб региональным интересам. Мюнхен настаивал на пересмотре каталога компетенций, усилении финансовой автономии земель, предоставлении дополнительных прав рейхсрату, в том числе миноритарного вето на поправки к конституции в объеме 1/4 голосов, которыми в совокупности обладали государства Южной Германии [3, S. 74; 6, S. 49–62]. В свою очередь, проф. Ганс Навиаски требовал абсолютного права вето при наличии 1/3 голосов [6, S. 56]. «Конституционный мир вместо конституционной борьбы, превращение лабильных основ Веймарской конституции в стабильные, четкий порядок распределения обязанностей и задач между рейхом и землями в сфере управления и законодательства» – таков был лейтмотив баварского послания [2, S. 39]. Достичь поставленной цели предлагалось за счет ревизии все тех же ст. 6–11 ВК, упразднения чрезвычайного и нормативного законодательства рейха, наделения дополнительными полномочиями ландтагов, установления «адекватной эпохе конституционно-правовой основы налогообложения», предоставления землям надежных гарантий в рамках системы финансового выравнивания и т.д.

Таким образом, меморандум 1926 г. развивал линию своего предшественника. В поле зрения его авторов находились все те же вопросы конституционной реформы. В преддверии формирования новой правительственной коалиции в Берлине, БНП как ее потенциальный участник, желал добиться существенных уступок от рейха [2, S. 36]. В

частности, Хельд требовал поставить вопрос о внесении дополнений в статью 76 под буквой «а», содержащих конституционные гарантии неизблемости федеративного строя, а министр финансов В. Крауснек вернуть подоходный и корпоративный налоги землям. В конечном счете, партия сочла «оппортунизмом» отказ от сотрудничества с НДП, Центром и ННП, способных на практике обеспечить интересы региона, и дала согласие на участие в имперском кабинете [2, S. 37].

И первый, и второй документ соответствовали традиции баварского государственного федерализма, но с той лишь разницей, что меморандум 1926 г. носил оборонительный характер, направленный на защиту конституционных прав земель и по существу означал «отказ от комплексной ревизии Веймарской конституции» [19, S. 70]. С 1926 г. руководство Баварии выступало в несвойственной для себя роли ее защитника. Местная политическая элита нутужно критиковала «искаженные представления центра об унитаризме как средстве оздоровления государства». По мнению тайного советника Г. Хайма, проводимая рейхом политика выхолащивания федерализма, лишавшая «земли гарантированных им по конституции прав», с каждым годом становилась все более «невыносимой» [20]. Одним из центральных объектов критики баварских властей было неудовлетворительное финансовое положение регионов [21]. Местная экономика, полагали представители промышленной и торговой палаты, «не должна превратиться в заложника унитарной политики» [22]. Насущным условием ее поступательного развития они считали «государственную автономию земель», поддерживая таким способом борьбу Хельда за «равноправные отношения с центром» [23]. Стремление Мюнхена ослабить влияние Берлина и создать вокруг себя «комфортную атмосферу» вполне соответствовало историко-политической традиции этой южно-германской земли. С ликвидацией федерализма, полагали здесь, рейх «утратит силу, а децентрализованное единое государство окажется не в состоянии его заменить» [24, S. 41].

Баварские предложения прохладно встретили в столице Германии. В ведомстве Ю. Куртиуса с недоумением отреагировали на требование «децентрализации экономической системы рейха с учетом исторически сложившихся границ». Как никакое иное министерство экономики было заинтересовано в продолжении интеграционных процессов в банковской и торговой сферах, в промышленности и на транспорте. Создавать искусственные препоны в системе немецкого хозяйства в условиях формирования общеевропейского рынка и усиления мировой конкуренции здесь считали бессмысленным [9, S. 458]. Напротив, объективные процессы

концентрации производства, развитие техники, транспорта, расширение рынков сбыта, рост численности населения и иные процессы глобального масштаба делали дальнейшую централизацию государственного организма неизбежной. По мнению же баварской стороны, разорение основной массы мелких и средних предприятий, а также целого ряда крупных региональных производств, не выдерживающих конкуренции с корпорациями, вело к обнищанию населения, угрожало «источнику здорового роста нации» [9, S. 484]. БНП была не в силах противодействовать объективным процессам хозяйственной жизни. Поэтому предложенный ею путь являлся в своей основе эмоциональным и иррациональным, не отвечавшим прагматике исторической эпохи, внутренне противоречивым, выходившим за рамки намеченных в ходе обсуждения реформы конституционно-политических целей [9, S. 485].

9 марта 1926 г. Бавария обратилась в адрес Комитета по конституции и регламенту рейхсрата с инициативой создания президиума палаты из представителей земель и провинций в составе 5 человек, избираемых сроком на три года. В его ведение предлагалось передать текущие дела и репрезентативные функции органа земельного представительства. Это явилось бы решительным шагом в направлении автономизации работы рейхсрата, поэтому правительство Г. Лютера поспешило снять с себя малейшую ответственность за реализацию баварских предложений [6, S. 59–60]. Министр финансов П. Рейнхольд заявил, что в них «не содержится ничего нового» [2, S. 41]. Впрочем, Хельд не отступил, повторно выдвинув требования в ходе состоявшегося 17 апреля 1926 г. визита канцлера в Мюнхен. Министр-президент предложил создать комиссию по подготовке реформы, взяв за основу баварский меморандум. «Необходимо договариваться о том, – отметил он, – что рейх не претендует на компетенции, которые для него ... обременительны... Прописанные в ст. 7–11 нормы не соблюдаются. Система финансового выравнивания не справедлива, особенно для Баварии... Управление финансами должно быть возвращено землям... Рейхсрат необходимо реорганизовать по образцу Комитета государств, [а] баварские меморандумы передать специальной комиссии для выработки позитивных предложений» [25]. Лютер в очередной раз ответил отказом, сославшись на мнения и интересы других немецких земель [2, S. 42–43]. В принципе правительство было готово обсуждать документ, но не более того [26].

Хельд сетовал на отсутствие в стране четких представлений о сущности федерализма и должного внимания к анализу особенностей культурно-исторического развития регионов, «психологии народа» и

«этической стороне» вопроса, констатировал «гигантские успехи в деле выхолащивания федеративного строя», указывал на растущую опасность ложного восприятия унитаризма как средства спасения страны от накопившихся проблем [27]. Дискуссия между приверженцами централизации и децентрализации, по мнению министра-президента, была присуща не только рейху. «Повсюду, – говорил он с трибуны Академическо-политического клуба Мюнхена в декабре 1928 г., – мы наблюдаем противоборство этих двух принципов. Унитаризм – это государственная система, при которой единая власть контролирует всю территорию страны. Федерализм предполагает множество государств в составе единого целого» [28]. Исходя из анализа Конституции 1919 г., Веймарскую республику Хельд относил к типу «федералистских образований» и в этой связи придавал большое значение вопросу об уровне конституционных гарантий. «Не очевидной и не четкой» ему казалась граница между полномочиями рейха и земель. «Федерализм не угрожает целостности нации, поскольку главным его условием является добровольность». Без самоуправления не возможен прогресс в культурной сфере. Руководство из одного центра означает запустение, схематизацию, уничтожение своеобразия. Наконец, федеративная система более привлекательна в плане участия граждан в государственной жизни», – заявлял баварский лидер. На этом основании Мюнхен отказывался содействовать «превращению Северной Германии в централизованную Пруссию», когда вместо «пруско-германского дуализма» рейх получит «дуализм между севером и югом» и «лишь вопросом времени останется окончательная централизация» страны [8, S. 262].

«Децентрализованное унитарное государство» также не подходило для Хельда на роль гаранта реальной автономии субъектов, являлось «правовым диктатом». Вариант делегированных полномочий правящие круги Баварии характеризовали как средство ликвидации региональной самостоятельности [8, S. 261]. По их же собственным словам, «немецкому вопросу» они придавали крайне важное значение, чтобы подвергать его партийно-политическому анализу.

Новый всплеск активности правительства Хельда пришелся на период работы Конференции немецких земель в конце 1920-х гг. В 1928 г. Мюнхен подготовил два меморандума, известных как «Материал к конституционной реформе». Их авторами были К. Зоммер и Г. фон Ян. В начале ноября Хельд внес на рассмотрение Конституционного комитета законопроект «К ревизии Веймарской конституции». В дополнение к ним вышли работы «Распределение полномочий между рейхом и землями в сфере законодательства и управления...» и «Пруско-немецкая проблема. Заявления

баварского министра-президента на заседании подкомитета 2 Конференции земель 18 ноября 1929 г.» [4]. На этот раз главное внимание было уделено проблеме распределения полномочий между рейхом и землями [30, S. 423]. Мюнхен беспокоило нарушение имперским руководством федеративных обязательств в области законодательства, управления, культуры, финансов, транспорта и экономики, поэтому он стремился направить дискуссию в русло реальной политики и добиться «стабилизации» Веймарской конституции. Как необоснованные были отклонены критика и претензии в адрес федерализма. Бавария требовала учитывать интересы регионов и стоящие перед ними задачи, а также открыть доступ к контролю за финансами. В частности, речь шла о возврате землям подоходного и корпоративного налогов. Кроме того, Мюнхен настаивал на отмене статей 9 и 10 ВК, внесении изменений в ст. 60–77 ВК, уравнивании рейхсрата в правах с рейхстагом, дополнении ВК статьей «76 b», согласно которой любые изменения «союзного строя», равно как ликвидация земель, требовали добровольного согласия последних, передачи установленных в ст. 142–150 ВК полномочий от рейха землям, предоставления гарантий региональной государственной автономии (ст. 17 ВК), запрета негражданам земель избираться в ландтаги, предоставлении субъектам преимущественного права введения чрезвычайного положения в соответствии со ст. 48 ВК, подписании договоров с иностранными державами с одобрения рейхсрата (ст. 45 ВК) [31, S. 347].

Все выше названные документы преследовали своей целью локализацию недостатков конституции и поиск оптимального решения накопившихся проблем с учетом исторических и психологических аспектов развития немецкого общества. Главное препятствие Мюнхен видел в нарушении конституционных принципов распределения полномочий, а не в наличии федеративной структуры, поэтому предлагал сохранить существующую государственную систему Германии и одновременно ограничить законодательные и исполнительные компетенции рейха, повысить статус рейхсрата, предоставить конституционные гарантии неприкосновенности прав немецких земель, укрепить их культурную и финансово-экономическую автономию (ст. 7–12) [2, S. 45–47]. Голос Баварии не был услышан и на этот раз. Накануне экономического кризиса рейх демонстрировал готовность скорее к унитарным, нежели федералистским реформам. Из законодательных проектов, предложенных Баварией в 1924–1926 гг. был реализован лишь один – «Закон о трудовых судах» [29, S. 345].

Сопоставление баварских меморандумов 20-х гг. позволяет проследить вполне четкую тенденцию. Если в 1924 г. местное правительство отвергало

Веймарскую конституцию, требуя ее комплексной ревизии «в духе Бисмарка», то в дальнейшем выражало стремление стабилизировать «унитарный федерализм» и отстоять принадлежавшие землям права [2, S. 53]. 28 октября 1928 г. в Аугсбурге прошло собрание руководителей от БНП и южно-германского Центра под лозунгами защиты государственности земель и норм действующей Конституции [31, S. 331]. Месяц спустя, на собрании в Байройте, баварское Объединение промышленников и баварский Крестьянский союз заявили о поддержке правительства в борьбе против создания централизованного государства. 9 декабря общественность Мюнхена протестовала против лишения земли законных прав «средствами унитаризма» [31, S. 335, 337]. Месяц спустя федеральный посланник сообщал в Берлин о подъеме движения в защиту «баварской государственной автономии» и множившихся с каждым днем призывах к объединению патриотических сил [32; 31, S. 337].

20 января в Розенхайме состоялась массовая акция в защиту федерализма, участие в которой, по приблизительным оценкам, приняли около 10 тыс. репрезентантов «отечественных», политических и экономических объединений и организаций, а также члены окружных отделений БНП, Баварского крестьянского союза, Христианского союза крестьян (ХКС) и Баварского союза ремесленников. Собрание высказалось в поддержку государственной автономии земли и выразило недовольство «откровенно унитарной политикой» центра [33]. Местом очередного многотысячного митинга стал город Тельц. Организованный здесь 17 марта объединением «Байерише хайматшутц» митинг прошел под лозунгом «За баварскую государственность, за федеративную Великую Германию!» [34].

В конце ноября 1929 г. по инициативе «Союза Баварии» в Мюнхене состоялось массовое собрание общественности, протестовавшей против уничтожения многообразия немецкой культуры и создания «великопрусского унитарного государства». Текст принятой по его итогам резолюции заканчивался словами: «Мы живем и умрем в Баварии во имя федеративной Германии для всех немцев, включая Австрию, с равными свободами и правами в каждом уголке рейха. В то же время мы... будем бороться с любым великопрусским подчинением и любым проявлением духовного и душевного берлинского схематизма». Будущее Германии Союзу представлялось в форме «объединения равноправных государств, не являющихся слугами, подчиненными, административными объектами или безвластными провинциями» [35].

В марте 1930 г. своими взглядами на перспективы реформы с читателями журнала «Дер дойче зюден» поделился близкий к

правительственным кругам Баварии профессор права К. Швенд. Ключом к успеху преобразований ученый считал «конструктивную» позицию Пруссии, чей «Spiritus rector Браун до сих пор хранит молчание». Такая тактика, по мнению Швенда, была призвана обеспечить ей «свободу выбора». Все, что связано с децентрализацией, автономизацией и федерализацией, полагал он, противоречило представлениям Брауна о задачах и миссии прусского государства: «Пруссия в категорической форме отрицает децентрализацию..., пугая общественность словом «расчленение», [тогда как] ... централизация не страшит Пруссию, она соответствует великопрусским целям, и, в сущности, является преградой на пути счастливого развития Германии» [36–38]. Для советника правительства Зоммера рост дифференциации между югом и севером несло угрозу унитаризации рейха. «Мы, на юге, – отмечал он, – остаемся на позициях народной и зарекомендовавшей себя системы федеративной свободы и самоопределения» [39].

1 мая 1930 г. в Мюнхене состоялось учредительное собрание рабочего комитета «Рейх и родина» с участием представителей Ольденбурга, Мекленбурга, баварского руководства, а также внушительной группы региональных министров и депутатов. Инициаторами создания организации, преследовавшей своей целью защиту «пережившего войну, мирный договор, переворот и инфляцию» германского федерализма, выступили профессор истории К.А. фон Мюллер, бывший статс-секретарь и глава министерства торговли И.М. фон Вельзер и коммерческий советник «Дойче банк» О. Гергт [40].

В том же русле действовал баварский министр-президент Хельд. Во время предвыборной речи в Регенсбурге в сентябре 1930 г. он эмоционально призывал участников митинга «защитить отечество от унитаристов и централистов». Немецкие земли как центры культуры, по мнению Хельда, необходимо было сохранить не по прихоти Баварии, а по соображениям здравого смысла. «Если будет достигнута цель переворота и создано единое государство, состоящее ... из провинций, тогда определяющей станет экономическая, культурная и политическая воля Берлина», – говорил политик [41]. Обращаясь к историческому опыту зарубежных стран, Хельд потребовал уравнивать в правах обе палаты немецкого парламента, обеспечить стабильную и эффективную работу рейхскабинета и усилить полномочия рейхспрезидента по американскому образцу: «Осуществлению реформы без учета уроков немецкой истории и злоупотреблению годами нужды Бавария будет противостоять всеми доступными ей средствами» [42].

Баварское руководство имело собственный взгляд на содержание и пути осуществления преобразований, и правительственные меморандумы

были тому наглядным подтверждением. Мюнхен настаивал на четком разделении полномочий между субъектами рейха, считал крайне опасным «дифференцированное решение», делившее страну на неравные в правовом и политическом отношении части, переводившее проблему дуализма с уровня «рейх–Пруссия» на уровень «север-юг» [1, S. 142–144]. При таком развитии событий Бавария предсказывала неизбежную деградацию земель до уровня рядовых автономий. Настаивая на едином типе немецких субъектов, южане пытались играть на противоречиях между Пруссией и рейхом, учитывая намерения последнего создать имперские провинции. Безусловно, отмечает Зоден, «гипертрофия немецкого государства в период второго рейха» была обусловлена господствующим положением Пруссии. В то же время, свою долю ответственности за сложившуюся ситуацию в стране нес «государственно-абсолютистский южно-германский бюрократизм». Политика баварского руководства, тесно связанная с желанием вернуть Германию к конструктивным принципам Конституции 1871 г., без учета изменившихся со времени окончания Первой мировой войны условий социально-экономического и политического развития, зачастую представлялась контрпродуктивной, когда под лозунгами «защиты федерализма и культурно-исторических традиций» велась отчаянная борьба с веймарской демократией и республикой.

Литература и источники

1. Brecht, A. Foederalismus, Regionalismus und die Teilung Preussens. – Bonn : Fred. Dümmers Verl., 1946. – S. 61.
2. Menges, F. Reichsreform und Finanzpolitik. Berlin: Duncker & Humblot, 1971. – 467 S.
3. Biewer, L. Reichsreformbestrebungen in der Weimarer Republik. – Frankfurt am Main, 1980.
4. Gelberg K.-U. Regierungsdenkschriften zur Reichs- und Verfassungsreform, 1924–1932 [Electronic resource] // Historisches Lexikon Bayerns. – Mode of access: www.historisches_lexikon_bayerns.de. – Date of access: 10.04.2009.
5. Severing, K. Einheitsstaat und Reichsverfassung, in : Der Weg zum Einheitsstaat. Gutachten der Kommission zur Frage der Vereinheitlichung des Reiches. Herausgegeben vom Vorstand der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Mai 1929. – 49 S. // Hessisches Staatsarchiv Darmstadt. – NL Leuschner : 029–27. – S. 8–9.
6. Westermayer, F.A. Bayern und Reichsratsproblem : Univ., Diss. – Murnau a. Staffelsee : Buchdruckerei Jos. Fürst, 1929.

7. Bloch, C. Die Reichsgestaltungstendenzen in Deutschland von 1918 bis zur Gegenwart. Diss. Dormund-Marten : Th. Franz Boehmer, 1932. – 57 S.
8. Heimers, M.P. Unitarismus und süddeutsches Selbstbewußtsein : Weimarer Koalition und SPD in Baden in der Reichsreformdiskussion 1918–1933. – Düsseldorf : Droste, 1992.
9. Schulz, G. Von Brüning zu Hitler, in : Zwischen Demokratie und Diktatur. – Bd. III. – Berlin : de Gruyter, 1992.
10. Radbruch, G. Politische Schriften aus der Weimarer Zeit I. Demokratie, Sozialdemokratie, Justiz / bearb. von A. Baratta. – Heidelberg : C.F. Müller Juristischer Verl., 1992.
11. Koch, E. Die Bayerische Denkschrift und der Unitarismus // Deutsche Juristen-Zeitung. – Heft 3/4. – 1924 (29 Jg.). – Sp. 73–81.
12. Ferber, W. Der Föderalismus. – Augsburg : J.W. Naumann, 1946.
13. Deurlein, E. Föderalismus. Die historischen und philosophischen Grundlagen des föderativen Prinzips. – München : List, 1972.
14. Entwurf einer Denkschrift zur bayerischen Denkschrift. Aufzeichnungen zum Kapitel „Finanz“ und zum Kapitel „Übriges“, vom 6. April 1924 // Bundesarchiv (BA). – Nl. 1171. – S. 17–27.
15. Schreiben des Staatssekretärs in der Reichskanzlei Bracht an den Reichsminister der Finanzen Dr. Luther und den Reichsminister des Innern Dr. Jarres, vom 27. Okt. 1924 // BA. – R 43 I / 2330 : Gesandtschaften der Länder beim Reich und des Reichs bei den Ländern.
16. Preuß, H. Geleitwort zu Reichseinheit und Foederalismus (1925) // Gesammelte Schriften von H. Preuß / hrsg. u. eingel. von D. Lehnert. – Tübingen : Mohr Siebeck, 2008. – Bd. 4 : Politik und Verfassung in der Weimarer Republik. – 739 S.
17. Preuß, H. Um die Reichsverfassung von Weimar (1924) // Gesammelte Schriften von H. Preuß / hrsg. u. eingel. von D. Lehnert. – Tübingen : Mohr Siebeck, 2008. – Bd. 4 : Politik und Verfassung in der Weimarer Republik. – 739 S.
18. Meyer, K. Bayern und Reich // Deutsche Juristen-Zeitung. – Heft 7/8. – 1924. – Sp. 257–260.
19. Der großdeutsche Einheitsstaat : Das Ziel und der Weg. Die Verhandlungen des Hamburger Reichsparteitages der Deutschen Demokratischen Partei. Berlin : Reichsgeschäftsstelle der DDP // BA. – N 1044.
20. Bericht der Vertretung der Reichsregierung in München, betr. Rede des bayerischen Minister-Präsidenten und Dr. Heims in Tutenhausen, vom 19. Sept. 1927 // BA. – R 43 1501 / 125025. – Bl. 232–233.
21. Eine unbefriedigende Lösung, in : München-Augsburger Abendzeitung, Nr. 71 v. 14.03.1927 // BA. – R 43 I / 2245 : Berichte des Vertreters der Reichsregierung. – Bl. 190.
22. Bericht der Vertretung der Reichsregierung in München an die Reichskanzlei in Berlin, betr. Tagung der Bayerischen Industrie- und Handelskammer, vom 24.11.1928 // BA. – R 43 I / 1879 : Reichsreform. – Bl. 287.

23. Bericht der Vertretung der Reichsregierung in München an die Reichskanzlei in Berlin, betr. Entschließung des Bayerischen Industrieverbandes für den Foederalismus, vom 29.11.1928 // BA. – R 43 I / 1879 : Reichsreform. – Bl. 301–302.
24. Moehl, W. Bayern in Deutschland : UNiv., Diss. – München : Vereinigte Druckereien, Kunst- und Verlagsanstalten A.G., 1928.
25. Besprechung im Bayer. Ministerium des Äußern, vom 17.04.1926 // BA. – R 43 I / 2332. – Bl. 267–268.
26. Protokoll vom Reichsminister W. Külz // Akten der Reichskanzlei. Die Kabinette Luther I und II : in 2 Bd. / bearb. von K.-H. Minuth. – Boppard am Rhein, 1977. – Bd. 2 : 20 Jan. 1926 bis 17 Mai 1926. – S. 1278–1287.
27. Bericht der Vertretung der Reichsregierung in München, vom 19.09.1927. Betr.: Rede des bayerischen Mnisterpräsidenten und Dr. Heims in Tuntenhausen [gez. Haniel] // BA. – R 1501 / 125013 – Bl. 232.
28. „Der föderalistische Gedanke“, in : Bayerische Staatszeitung, Nr. 287 v. 11.12.1928 // BA. – R 43 I / 2253 : Berichte des Vertreters der Reichsregierung. – Bl. 97.
29. Holste, H. Der deutsche Bundesstaat im Wandel (1867–1933). – Berlin : Duncker & Humblot, 2002.
30. Klaus, H. Der Dualismus Preußen versus Reich in der Weimarer Republik – in Politik und Verwaltung. – Mönchengladbach : Forum Verl. Godesberg, 2006.
31. Chronik. Überblick über die im zweiten Halbjahre 1928 für eine Neugestaltung der Verfassung und Verwaltung des Reiches und seines Verhältnisses zu den Ländern und Gemeinden wesentlichen politischen, organisatorischen, verwaltungsrechtlichen und staatsrechtlichen Beschlüsse und Geschehnisse // Reich und Länder. Zeitschrift für die Entwicklung der Verfassung und Verwaltung in Deutschland. – II. Jg. – 1928/1929. – S. 329–348.
32. Bericht der Vertretung der Reichsregierung in München an die Reichskanzlei, vom 8.01.1929 // BA. – R 43 I / 1880 : Reichsreform. – Bl. 10–12.
33. Bericht der Vertretung der Reichsregierung in München an die Reichskanzlei, vom 21.01.1929 // BA : Reichsreform. – R 43 I / 1880. – Bl. 33–35.
34. Bericht der Vertretung der Reichsregierung in München an die Reichskanzlei, betr. „Bayerntagung des „Bayerischen Heimatschutzes“ in Tölz, v. 18.03.1929 // BA. – R 43 I / 1880 : Reichsreform. – Bl. 148.
35. „Gegen die Laenderkonferenz“, Bayern-Kundgebung in München // BA. – R 43 I / 1881 : Reichreform. – Bl. 296–297.
36. Schwend, K. „Prognose der Reichsreform. Was will Preußen?“, in : Der Deutsche Süden, H. 3, v. 03.1930 // BA. – R 43 I / 2257 : Berichte des Vertreters der Reichsregierung. – Bl. 318–319.
37. Schwend, K. Bayern zwischen Monarchie und Diktatur. Beiträge zur Bayerischen Frage in der Zeit von 1918 bis 1933. – München : Pflaum, 1954.
38. Gollwitzer, H. Bayern 1918–1933 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. – H. 3. – 1955. – S. 363–387.

39. Sommer, K. Die Reichsreform in Traum und Wirklichkeit, in : Bayerische Verwaltungsblätter, H. 5, v. 03.1930 // BA. – R 43 I / 2257 : Berichte des Vertreters der Reichsregierung. – Bl. 320–322.
40. Bericht der Vertretung der Reichsregierung in München an die Reichskanzlei in Berlin, v. 2.05.1930 // BA. – R 43 I / 2257 : Berichte des Vertreters der Reichsregierung. – Bl. 364–365.
41. Bericht der Vertretung der Reichsregierung in München an die Reichskanzlei, betr. Wahlrede Dr. Helds in Regensburg, vom 10. Sept. 1930 // BA. – R 43 I / 1882 : Reichsreform. – Bl. 389.
42. Bericht der Vertretung der Reichsregierung in München an die Reichskanzlei, betr. Kundgebung der Bayerischen Regierung zur Reichsreform, vom 31.12.1930 // BA. – R 43 I / 1882 : Reichsreform. – Bl. 483–485.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ